

ИВЛИН
ВО

Мерзкая плоть

АЗБУКА-КЛАССИКА

Ивлин Во

Мерзкая плоть

Серия «Азбука-классика»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=155649

*Мерзкая плоть: Азбука, Азбука-Антикурс; Санкт-Петербург; 2022
ISBN 978-5-389-21640-2*

Аннотация

Первая мировая война окончена, и на сцену является новое поколение. Цвет Молодежи двадцатых годов коротает дни в неутомимой погоне за светскими удовольствиями. С парадоксальной смесью безыскусности и изощренности они упражняют свои изобретательные умы в новых капризах и авантюрах.

Книга Ивлины Во – смешная, ядовитая и дерзкая сатира, обнаруживающая под сверкающим глянцем светского общества зияющую темную пустоту. Автор безжалостен: вся эта «мерзкая плоть» растрчивает жизнь на поддержание усыпанного блестками фасада насквозь фальшивого радостного мирка, в котором пытается спрятаться от воспоминаний об ужасах прошлой войны и предчувствия ужасов грядущей.

Роман вышел в свет в 1930 году, но следующая война в нем предсказана и неизбежна, и на ее фоне герои, будто обитатели

Зазеркалья в эпиграфе «Мерзкой плоти», особенно отчаянно бегут, только «чтобы остаться на том же месте».

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	25
Глава 3	42
Глава 4	60
Глава 5	74
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Ивлин Во

Мерзкая плоть

«В нашей стране, – сказала Алиса, все еще не успев отдышаться, – если бежать очень долго и очень быстро, вот как мы сейчас, обычно попадаешь в какое-нибудь другое место».

«Значит, у вас очень медленная страна, – сказала королева. – А здесь, ты сама видишь, твоего бега хватает только на то, чтобы остаться на том же месте. А если хочешь попасть в другое место, нужно бежать по крайней мере вдвое быстрее!»

«Если бы я была не настоящая, – сказала Алиса, готовая рассмеяться сквозь слезы, до того все это было нелепо, – я бы не могла плакать».

«Ты, надеюсь, не воображаешь, что это настоящие слезы?» – перебил ее Твидлдум весьма презрительным тоном.

Льюис Кэрролл. Зазеркалье

Evelyn Waugh
Vile Bodies

Copyright © 1930, 1958, Evelyn Waugh
All rights reserved

© М. Ф. Лорие (наследник), перевод, 1974

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2022

Издательство АЗБУКА®

Глава 1

Всем было ясно, что качки не миновать.

Отец Ротшильд, иезуит, с чисто восточным фатализмом поставил свой чемодан в углу бара и вышел на палубу. (Чемодан был небольшой, из поддельной крокодиловой кожи. Инициалы, выдавленные на нем готическим шрифтом, были не отца Ротшильда – он в то утро попросил на время чемодан у лакея французской гостиницы, где провел ночь. Содержимое его составляло кое-какое белье, шесть очень нужных новых книг на шести языках, накладная борода и школьный географический атлас с испещренным пометками указателем.) Выйдя на палубу, отец Ротшильд облокотился о поручни, подпер ладонями подбородок и стал смотреть, как по трапу поднимаются пассажиры, все, как один, со сдержанно-опасливым выражением на лицах.

Большинство этих лиц было иезуиту знакомо, так как он обладал счастливой способностью запоминать все, что можно было узнать, обо всех, кто мог представлять хоть какой-то интерес. Язык его чуть высунулся наружу, и, не будь мысли пассажиров так заняты багажом и погодой, кто-нибудь из них мог бы заметить, как он похож на те гипсовые копии с химер собора Парижской Богоматери, которые можно увидеть в витринах художественных магазинов, где они, покрашенные в цвет «старой слоновой кости», пытливо глядят на

вас из-за наборов кистей и трафаретов, разноцветного пластилина и тюбиков с акварельными красками. Высоко над его головой, на фоне темнеющего неба, проплыл выдавший виды «паккард» миссис Мелроз Оранг, неся на себе пыль трех континентов, а на палубу поднялась во главе своих ангелов сама миссис Мелроз Оранг, знаменитая проповедница.

– Вера!

– Здесь, миссис Оранг.

– Любовь!

– Здесь, миссис Оранг.

– Стойкость!

– Здесь, миссис Оранг.

– Непорочность... Где Непорочность?

– Непорочность плохо себя чувствует, миссис Оранг. Она ушла в каюту.

– От этой девчонки больше забот, чем толку. Чуть нужно заняться вещами, как она чувствует себя плохо. Остальные все здесь? Кротость, Оглядка, Доброта, Праведная Обида, Справедливость, Святая Тревога?

– Святая Тревога потеряла крылья, миссис Оранг. Она в поезде заговорила с одним джентльменом... Ах, вот она.

– Нашла? – спросила миссис Оранг.

Святая Тревога так запыхалась, что могла только кивнуть головой. (Ангелы носили свои крылья в узких черных картонках, похожих на футляр для скрипки.)

– Хорошо, – сказала миссис Оранг. – И пожалуйста, не

выпускай их из рук и поменьше разговаривай с джентльменами в поездах. Вы же ангелы, а не хористки, понятно?

Ангелы сокрушенно сбились в кучку. Ужасно, когда миссис Оранг бывает такая. Ох и зададут же они Непорочности и Святой Тревоге, когда останутся одни, в ночных рубашках! Мало того что всех будет тошнить от качки, так еще миссис Оранг шпыняет.

Заметив, как они расстроены, миссис Оранг смягчилась и заулыбалась. В «обаянии» ей нельзя было отказать.

– Ну, девочки, – сказала она, – мне нужно идти. Говорят, будет сильно качать, но вы не верьте. Если на душе спокойно, то и желудок не подведет. И помните, если все-таки станет мутить – пойте. Это самое лучшее средство.

– До свидания, миссис Оранг, спасибо. – Они сделали грациозный книксен, повернулись и дружно засеменили на корму, во второй класс. Миссис Оранг проводила их благосклонным взглядом, а потом, расправив плечи (ни дать ни взять бывалый моряк, только бороды маловато), решительно зашагала в бар первого класса, расположенный на носу.

На борт всходили и другие выдающиеся личности, тоже очень недовольные погодой; чтобы уберечься от ужасов морской болезни, они прибегли к различным видам цивилизованного знахарства, но веры им не доставало.

Были здесь мисс Рансибл, и Майлз Злопрактис, и весь Цвет Нашей Молодежи. Они весело провели утро, обкле-

ивая друг другу животы полосками липкого пластыря (как мисс Рансибл при этом повизгивала!).

Был здесь и достопочтенный Уолтер Фрабник, член парламента и на прошлой неделе – премьер-министр. Перед утренним завтраком мистер Фрабник выпил две максимальные дозы некоего хлорного препарата (после чего завтрак не лез ему в горло), а потом в поезде, совсем упав духом, допил весь флакон. Он двигался как во сне, сопровождаемый по пятам двумя откровенными детективами. Они побывали с ним в Париже и знали о его тамошних делах все, что стоило знать, – по крайней мере с точки зрения романиста. (Между собой они называли его Достопочтенный Бабник, но это было скорее остроумной игрой на его фамилии, чем порицанием его любовных интрижек, в которых он, если говорить начистоту, проявлял изрядную робость, а то и поддавался паническому страху.)

Леди Троббинг и миссис Блекуотер, сестры-близнецы, чей портрет кисти Милле был недавно продан на аукционе у Кристи за рекордно низкую цену, сидели на палубной скамейке тикового дерева, ели яблоки и пили то, что леди Троббинг со старомодной игривостью называла «шипучкой», а миссис Блекуотер именовала более эксцентрично – «шампань», произнося это слово в нос, на французский лад.

– Посмотри, Китти, ведь это мистер Фрабник, тот, что на прошлой неделе был премьер-министром.

– Не может быть, Фанни, где?

– А вон, чуть впереди тех двух мужчин в котелках, рядом со священником.

– Да, похоже на его фотографии. Какой у него странный вид!

– В точности так выглядел покойный Троббинг... весь тот последний год.

– ...А мы ведь не подозревали, пока кто-то не нашел флаконы под половицей в его гардеробной... а то мы все думали, что он просто пьет...

– По-моему, в наши дни премьер-министры были маркой выше, ты не находишь?

– Говорят, на мистера Фрабника имеет влияние только одна особа...

– Из японского посольства...

– Разумеется, милочка, только не говори так громко... Но серьезно, Фанни, как ты думаешь, мистер Фрабник действительно такой?

– Фигура у него для его возраста вполне хорошая.

– Да, но его возраст и этот явно полнокровный тип так часто бывают обманчивы. Еще бокал? Не пожалеешь, когда мы отчалим.

– А я думала, мы уже плывем.

– Чудачка ты, Фанни, такие уморительные вещи говоришь.

И пьяненькие старушки, давясь от беззвучного смеха, под

ручку отправились вниз, в свою каюту.

Из остальных пассажиров одни заткнули уши ватой, другие надели темные очки, а кое-кто ел сухари из бумажных пакетов – говорят же, что индейцы едят змеиное мясо, чтобы перехитрить врага. Миссис Хуп лихорадочно твердила формулу, которой обучил ее в Нью-Йорке один йог. Немногочисленные «морские волки», чей багаж пестрел ярлыками многих плаваний, расхаживали по палубе, вызывая попыхи-вая короткими вонючими трубками и подбирая партнеров для партии в бридж.

За две минуты до того, как пароход должен был отойти, когда уже раздавались вокруг первые предупредительные свистки и возгласы, по трапу поднялся молодой человек с чемоданом. Ничего примечательного в его внешности не было. Он выглядел в точности так, как выглядят подобные ему молодые люди; свой чемодан, до противности тяжелый, он нес сам, потому что у него не осталось ни одного франка да и почти никакой другой валюты. Он прожил два месяца в Париже, где писал книгу, а теперь возвращался домой, потому что сделал по почте предложение и получил согласие. Звали его Адам Фенвик-Саймз.

Отец Ротшильд приветливо ему улыбнулся.

– Едва ли вы меня помните, – сказал он. – Мы познакомились пять лет назад в Оксфорде, на завтраке у декана Баллиол-колледжа. Мне будет интересно прочесть вашу книгу,

когда она выйдет, — сколько я понимаю, это автобиография? И разрешите мне одним из первых поздравить вас с вашей помолвкой. Боюсь, вы убедитесь, что ваш тесть несколько чудакват... и забывчив. Этой зимой он перенес сильный бронхит. Дом — сплошные сквозняки, непомерно велик по нашим временам. Ну что ж, пойду к себе. На море волнение, а я плохо переношу качку. Встретимся двенадцатого у леди Метроленд, а если посчастливится, то и раньше.

Адам не успел ничего ответить — иезуит уже исчез. Вдруг голова его опять возникла рядом.

— Здесь находится одна весьма опасная и неприятная женщина, некая миссис Оранг.

Он опять скрылся из глаз, и почти тотчас же пароход заскользил прочь от пристани, к выходу из порта.

Началась качка, то бортовая, то носовая, а то пароход, весь дрожа, замирал на месте, над бездной черной воды, после чего низвергался, как вагонетка на американских горах, в безветренную глубину и снова взлетал прямо в пасть к урагану; то он прорывал себе путь, судорожно тыкаясь носом, как терьер в кроличьей норе, то падал камнем, как лифт. Этот последний его трюк доставлял пассажирам больше всего мучений.

— Ой, — стонал Цвет Нашей Молодежи. — Ой! Ой! Ой!

— Точно из тебя сбивают коктейль, — сказал Майлз Злопрактикис. — Ну и лицо у вас, деточка, — оттенка нильской воды.

– Это же заболеть можно, – сказала мисс Рансибл и, что редко с ней случалось, попала в точку.

Китти Блекуотер и леди Троббинг лежали одна над другой на своих койках, содрогаясь от парика до пят.

– Как ты думаешь, неужели это шампань...

– Китти.

– Да, милочка?

– Китти, мне кажется... нет, я уверена, у меня есть где-то нюхательные соли... Китти, я подумала, тебе там ближе... А мне отсюда слезать просто небезопасно... как бы не сломать ногу...

– А ты не боишься, что после шампань...

– Но они мне нужны. Конечно, милочка, если это тебе затруднительно...

– Мне ничего не затруднительно, ты же знаешь. Но помнится, нет, я даже совершенно ясно помню, что нюхательные соли ты не укладывала.

– Ну, Китти, ну пожалуйста... тебе же будет жалко, если я умру... Ой!

– Но я видела нюхательные соли на твоём туалетном столике уже после того, как твои вещи снесли вниз. Помню, я еще подумала, надо захватить их, а потом замешкалась с чаевыми, так что, понимаешь...

– Я... их... сама уложила... Вместе со щетками... Китти, противная!

– Как не стыдно, Фанни!

– Ой! Ой! Ой!

Для отца Ротшильда все плавания были равны. Он размышлял о муках святых угодников, об изменчивости человеческой природы, о Четырех Последних Вещах¹ и время от времени повторял про себя отрывки из покаянных псалмов.

Лидер оппозиции его величества лежал, погруженный в сладостный транс, созерцая роскошные восточные видения: домики из раскрашенной бумаги; золотые драконы и цветущий миндаль; золотые фигурки и миндалевидные глаза, смиренные и ласкающие; крохотные золотые ножки среди цветов миндаля; раскрашенные чашечки, полные золотого чая; золотой голос, поющий за ширмой из раскрашенной бумаги; смиренные, ласкающие золотые ручки и глаза формой как миндаль, а цветом как ночь.

Два совсем обмякших детектива, дежуривших у его каюты, покинули свой пост.

– Если он и при такой качке сумеет набедокурить, молодец будет, – решили они. – Грех было бы ему мешать.

Пароход скрипел всей обшивкой, хлопали двери, падали

---

¹ Речь идет о вопросе и ответе из католического школьного катехизиса: «Каковы суть Четыре Последние Вещи, о коих всегда надлежит помнить? Четыре Последние Вещи, о коих всегда надлежит помнить, суть: смерть, страшный суд, ад и рай». – *Здесь и далее примеч. перев.*

чемоданы, выл ветер; винт, то взлетая над водой, то зарываясь в волны, бешено крутился, и шляпные картонки сыпались с полок, как спелые яблоки. Но сквозь весь этот рев и грохот из дамского салона второго класса звучали отчаянные голоса ангелов миссис Оранг – они пели, пели в унисон, иступленно, надрывно, словно сердца их готовы были разлететься вдребезги, а рассудок помрачиться, – пели знаменитый гимн сочинения миссис Оранг «Агнец Божий – барашек что надо».

Капитан и первый помощник сидели в рубке и увлеченно решали кроссворд.

– Похоже, ветер свежеет, того гляди погода испортится, – сказал капитан. – Вечером может и покачать.

– Не всегда же бывает так тихо, как сейчас, – сказал первый помощник. – Хищное млекопитающее. Слово из восемнадцати букв. Просто непонятно, как они такое выдумывают.

Адам Фенвик-Саймз сидел с морскими волками в курительной, пил третий стакан виски и гадал, когда ему окончательно станет плохо.

Уже сейчас он ощущал какую-то тяжесть в затылке. Плыть еще тридцать пять минут, а скорее всего, и больше, раз ветер встречный.

Наискосок от него сидел болтливый, объездивший весь

свет журналист и рассказывал ему неприличные анекдоты. Время от времени Адам вставлял более или менее подходящие к случаю замечания вроде «Да, здорово», или «Это надо запомнить», или «Ха-ха-ха», но по-настоящему что-либо воспринимать он был не способен.

Корабль взлетел – выше, выше, выше, а потом как-то наискось ухнул вниз. Адам успел схватить свой стакан и спасти содержимое. Потом закрыл глаза.

– А вот этот годится и для дамских ушей, – сказал журналист.

За спиной у них четыре коммивояжера играли в карты. Сначала игра шла весело – когда карты, стаканы и пепельница летели на пол, они только приговаривали: «Вот это так потрянуло!» и «Держись, гвардейцы!» – но за последние десять минут заметно притихли. Тишина была неудобная.

– ...И сорок за тузы и двести пятьдесят. Роббер. Ну что, опять тянуть или останемся так?

– А может, сделаем небольшой перерыв? Стол все время куда-то едет, я даже устал.

– Э, Артур, тебя уж не тошнит ли?

– Ничего не тошнит, просто устал.

– Конечно, если Артура тошнит...

– Кто бы подумал, что нашего Артура будет тошнить?

– Да не тошнит меня вовсе. Устал немножко, и все. Но если вы хотите продолжать – пожалуйста, я вам игру портить не собираюсь.

- Молодчина, Артур. И нисколько его не тошнит. Эй, Билл, не зевай, карты сейчас упадут. Опять нас подымает.
  - Может, повторим, друзья? Того же?
  - Того же.
  - Твое здоровье, Артур. Ваше здоровье. Чтобы не в последний.
  - Кто сдает? Ведь последним сдавали вы, мистер Гендерсон?
  - Да, теперь сдавать Артуру.
  - Тебе сдавать, Артур. Гляди веселей, приятель.
  - Перестань! Разве можно так хлопнуть человека по спине!
  - Не спутай карты, Артур!
  - Попробуй не спутать, когда тебя так хлопнули по спине.
- Устал я.
- Ну вот, у меня оказалось пятнадцать карт.
  - А этот вы слышали? – сказал журналист. – Как один человек из Абердина очень любил бриллианты, до того любил, что, когда надумал жениться, выбрал жену с солитером. Здорово, а? Понимаете, у нее был солитер, а он, понимаете, любил бриллианты. А жил в Абердине. Ловко, ничего не скажешь.
  - Знаете, я, пожалуй, выйду ненадолго на палубу. Здесь что-то душиновато.
  - И не думайте. Там все время заливает. Или, может быть, вас мутит?
  - Ни капельки не мутит. Я просто подумал, что на свежем

воздухе... О черт, да когда же это кончится?

– Держитесь, дружище. Я бы на вашем месте не стал прогуливаться. Лучше сидеть, как сидели. Глоток виски, вот что вам требуется.

– Меня не мутит. Просто здесь душно.

– Правильно, дружище. Уж вы мне доверьтесь.

Игра в бридж явно не клеилась.

– Эй, мистер Гендерсон, это еще что за пика?

– Туз, а то что же?

– Вижу, что туз. Я про то говорю, что нельзя вам было брать взятку козырем, когда у вас на руках была пика.

– Почему это нельзя было козырем? Ведь пошли-то с козыря.

– Ничего подобного. Артур пошел с пики.

– Нет, с козыря. Так ведь, Артур?

– Артур пошел с пики.

– Не мог он пойти с пики, а то зачем бы ему класть червонку на моего короля пик, когда я думал, что у него дама. Нет у него пик.

– Почему это у меня нет пик? У меня дама.

– Артур, старина, тебя, видно, и вправду тошнит.

– Ничего не тошнит, просто устал. Ты бы тоже устал, если б тебя так хлопнули по спине... В общем, хватит с меня этой забавы. Вот видите, опять карты разлетелись.

На этот раз никто не дал себе труда их собрать. Вскоре мистер Гендерсон сказал:

– Странно, с чего это у меня вдруг перед глазами все поплыло? Наверно, что-нибудь съел не то. С этими заграничными блюдами всегда такая история – намешают бог весть чего.

– А знаете, у меня тоже, оказывается, самочувствие не ахти. Вентиляция на этих пароходах ни к черту.

– Да-да. Вентиляция. Это вы верно заметили. В этом все дело.

– Странная вещь. Меня, имейте в виду, никогда не укачивает, но иногда морские переезды плохо на меня действуют.

– Вот и со мной так же.

– Вентиляция... безобразная.

– Уж поскорей бы очутиться в Дувре. «Родина, милая родина». Верно я говорю?

Адам крепко ухватился за обитый медью край столика, и ему стало легче. Нет, не допустит он, чтобы его вырвало, во всяком случае, пока на него пялится этот журналист. Теперь-то уж скоро, скоро покажется берег.

В это-то время, когда настроение в курительном салоне упало до нуля, там опять появилась миссис Оранг. Секунды три она балансировала между вращающейся дверью и ускользающим косяком, а как только судно немного выровнялось, зашагала к стойке, широко расставляя ноги и сунув руки в карманы толстого жакета.

– Рома. Двойную порцию, – сказала она и с обаятельной

улыбкой обвела глазами жалкую горстку мужчин, сидевших в салоне. – Ой, мальчики, какой у вас расстроенный вид. В чем дело? Душа тоскует или пароход не хочет стоять смирно?.. Качает? Ну ясно, качает. Но я вот что у вас спрошу. Ежели вы за какой-нибудь час так расклеились от морской болезни («Не морская болезнь, а вентиляция», – машинально пробормотал мистер Гендерсон), так что же с вами будет, когда вы пуститесь в далекое странствие, которое всех нас ожидает? Чисты ли вы перед Богом? – спросила миссис Оранг. – Готовы ли вы к смерти?

– А то нет? – сказал Артур. – Я последние полчаса только об этом и думаю.

– Так вот, мальчики, знаете, чем мы с вами сейчас займемся? Мы с вами споем песню. («О господи», – сказал Адам.) Вам, может, кажется, что не споем, а вот споем. От нее и душе и телу будет польза. Это песня надежды. Не очень-то много сейчас говорят о надежде, правда? О вере – сколько угодно, о любви – пожалуйста. А про надежду забыли. Ныне в мире есть только одно истинное зло – безнадежность. Я Англию как свои пять пальцев знаю, и я вам прямо говорю, мальчики, – у меня есть для вас нужный товар. Вам требуется надежда. Я вам ее предлагаю. Ну-ка, бармен, раздайте всем эти листки. Там на обороте слова песни. Вот так. А теперь давайте хором. Сумеете меня перепеть, бармен, заработаете пять шиллингов. Нет – пять шиллингов с вас. Ну, мальчики, дружно!

Миссис Оранг запела звучным голосом и очень внятно. Руки ее поднимались, трепетали и падали в такт песне. Бармен повиновался ей сразу. Слова он немного перевирал, но уверенная сила его голоса на низких нотах была заразительна. Следующим вступил журналист, потом Артур, сжав зубы, стал подтягивать мелодию. Скоро уже пели все, пели как оглашенные, и надо сказать, что им действительно стало легче.

Отец Ротшильд услышал их и повернулся лицом к стене.

Их услышала Китти Блекуотер.

– Фанни!

– Да?

– Фанни, милочка, ты слышишь – поют?

– Да, милочка, благодарю.

– Фанни, милочка, а это не молебен? А то звучит похоже на песнопения. Может, мы в опасности, как ты думаешь? Фанни, может быть, мы идем ко дну?

– Вполне возможно. Туда и дорога.

– Фанни, какие ты ужасные вещи говоришь! Но ведь мы бы почувствовали, если бы пароход на что-нибудь наскочил? Фанни, милочка, если хочешь, я сейчас поищу твои нюхательные соли.

– Стоит ли, милочка, ведь ты сама видела, что они остались на моем туалете.

– Я могла ошибиться.

– Ты же сказала, что сама видела...

Их услышал капитан.

– Сколько ни плаваю, – сказал он, – до сих пор от этих миссионеров с души воротит.

– Слово из шести букв, – сказал первый помощник, – первые буквы «кб», означает «применяется при астрономических вычислениях».

– Не может быть, чтобы «кб», – сказал капитан, подумав.

Их услышал Цвет Нашей Молодежи.

– Как на первых вечерах в семнадцать лет, – сказала мисс Рансибл. – Тебя тошнит, а другие поют.

Их услышала миссис Хуп. «Хватит с меня теософии, – решила она. – Присмотрюсь-ка я, пожалуй, к католикам».

На корме, в салоне второго класса, где качка ощущалась сильнее всего, их слышали ангелы. Сами они уже давно перестали петь.

– Опять она за свое, – сказала Праведная Обида.

Один только мистер Фрабник лежал в безмятежном забытии, и в мозгу его проплывали чарующие видения – нежные голоса, такие ласкающие, такие смиренные, и темные глаза

цвета ночи, а формой как миндаль, над раскрашенными бумажными ширмами, и золотые фигурки, такие гибкие, пружинистые, принимающие столь неожиданные позы.

В курительной все еще пели, когда пароход, почти точно по расписанию, вошел в дуврский порт. И тут миссис Оранг, следуя своему неизменному правилу, пустила, так сказать, шапку по кругу и собрала около двух фунтов стерлингов, не считая собственных пяти шиллингов, которые ей, впрочем, возместил бармен. «Спасение души не идет впрок, когда дается бесплатно» – таково было ее любимое изречение.

Глава 2

– Что имеете предъявить?

– Крылья.

– Ношенные?

– Конечно.

– Тогда все в порядке. Проходите.

– Праведной Обиде всегда все улыбаются, – пожаловалась

Стойкость Доброте. – А между прочим, хорошо опять очутиться на суше.

Нетвердыми шагами, но с воскресшими надеждами пассажиры уже покинули пароход.

Отец Ротшильд помахал дипломатическим паспортом и исчез в огромном автомобиле, высланном его встретить. Остальные толкались со своими чемоданами у барьера, стараясь привлечь внимание таможенных чиновников и мечтая о чашке чаю.

– У меня припрятано полдюжины, высшей марки, – откровенничал журналист. – В такую погоду они обычно не придираются.

И правда, вскоре багаж его уже был погружен, а сам он с удобством устроился в вагоне первого класса (расходы его, само собой, оплачивала газета).

Адам дожидался своей очереди довольно долго.

– У меня только старая одежда и книги, – сказал он.

Это были опрометчивые слова – вялое равнодушие чиновника как ветром сдуло.

– Книги? А какие у вас книги, позвольте спросить?

– Смотрите сами.

– И посмотрю. Скажи пожалуйста, книги!

Адам, чуть не падая от усталости, расстегнул ремни и отпер чемодан.

– Так, – сказал таможенный грозно, словно подтвердились его худшие подозрения. – Книги у вас есть, это я вижу.

Одну за другой он стал доставать их из чемодана и складывать стопкой перед собой. На томик Данте он взглянул прямо-таки с отвращением.

– Французская? Так я и думал, небось сплошные пакости. Так, а теперь я проверю эти ваши *книги* (как это было сказано!) по своему списку. Министр внутренних дел – он насчет книг знаете какой строгий. Если мы не можем искоренить литературу у себя дома, мы можем хотя бы добиться, чтобы ее не ввозили к нам из-за границы. Это он сказал на днях в парламенте, и правильно сказал... Стоп, а это что, позвольте спросить?

Осторожно, точно опасаясь, что она вот-вот взорвется, он вытащил и положил перед собой толстую пачку исписанных на машинке листов.

– Это тоже книга, – сказал Адам. – Я ее сам только что написал. Это мои мемуары.

– Вот оно как? Ну, я их тоже захвачу к начальнику. И вы

со мной проходите.

– Но мне нужно поспеть на поезд...

– Пошли, пошли, бывают вещи и похуже, чем опоздать на поезд, – намекнул он зловеще.

Они проследовали во внутреннее помещение, где стены были увешаны отобранной у пассажиров порнографией и какими-то инструментами непонятного назначения. Из соседней комнаты неслись вопли и визги мисс Рансибл, которую приняли за известную аферистку, промышляющую продажей контрабандных драгоценностей, и передали на предмет личного обыска двум свирепого вида досмотрщикам.

– Ну, что у вас там с книгами? – спросил начальник.

По длинному печатному списку, в котором первым значилось «Аристотель. Сочинения (иллюстрированное издание)», они сверили книги Адама, старательно, одну за другой, по складам читая заглавия.

Через кабинет прошла мисс Рансибл, на ходу манипулируя губной помадой и пудрой.

– Адам, миленький, как же я вас не видела на пароходе. Ой, если б я могла вам рассказать, что они там со мной делали... Где только не искали, это со стыда сгореть можно. Точно у врача, и такие злующие старухи, чем-то напоминают вдовствующих герцогинь. Как только попаду в Лондон, сейчас же позвоню всем министрам и во все до одной газеты и сообщу им такие подробности...

Начальник между тем читал рукопись Адама, время от времени издавая смешок, не то победоносный, не то язвительный, но, в общем, непритворно восхищенный.

– Прочитай-ка вот это, Берт, – сказал он. – Здорово закручено, а?

Наконец он собрал листы в пачку, перевязал тесемкой и отложил в сторону.

– Так вот, – сказал он. – Книги по архитектуре и словарь можете взять. И книги по истории, так и быть, тоже заберите. Но вот эта книга, по экономике, подходит под рубрику «Подрывная пропаганда», она останется у нас. И этот самый «Purgatorio»² мне что-то не нравится, ее мы тоже оставим здесь до выяснения. А уж что касается ваших мемуаров, так это чистейшая порнография, мы ее незамедлительно сожжем.

– Боже милостивый, да там нет ни одного слова... вы, наверно, не так поняли...

– Еще чего. Уж я-то знаю, что порнография, а что нет, иначе меня бы тут не держали.

– Но вы поймите, от этой книги зависит мой хлеб насущный!

– А мой хлеб насущный зависит от того, чтобы не пропускать такую пакость в Англию. Так что топайте отсюда, не то ответите перед полицейским судом.

– Адам, миленький, не спорьте, а то мы опоздаем на поезд.

---

² «Чистилище» (ит.).

Мисс Рансибл взяла его под руку и потащила на платформу, а по дороге рассказала, на какой замечательный вечер она сегодня приглашена.

– Тошнило? Кого это тошнило?

– Да тебя же, Артур.

– Ничего подобного... просто устал.

– Одно время там действительно стало душно.

– Просто чудо, как эта тетка нас взбодрила. На будущей неделе она выступает в Альберт-холле.

– А что, можно и сходить. Вы как считаете, мистер Гендерсон?

– Она говорит, у нее труппа ангелов. Наряжены, с белыми крыльями, красота. Да если на то пошло, она и сама недурна.

– Ты сколько положил ей в тарелку, Артур?

– Полкроны.

– И я тоже. Странное дело, никогда я раньше не отдавал полкроны вот так, ни за что. Она, черт ее возьми, как-то их из тебя вытягивает.

– В Альберт-холле тоже небось придется раскошелиться.

– Скорее всего, но уж больно охота посмотреть на разряженных ангелов, верно я говорю, мистер Гендерсон?

– Фанни, смотри, ведь это Агата Рансибл, дочка бедной Виолы Казм.

– Не понимаю, как это Виола пускает ее всюду одну. Будь

она моей дочерью...

– *Твоей* дочерью, Фанни?

– Китти, как не стыдно!

– Прости, милочка, я только хотела сказать... Кстати, ты давно о ней не слыхала?

– Последние вести были совсем плохие, Китти. Она уехала из Буэнос-Айреса. Видимо, окончательно порвала с леди Метроленд. Теперь, говорят, разъезжает с какой-то труппой.

– Какая жалость, милочка, зря я об этом заговорила. Но всякий раз, как я вижу Агату Рансибл, я невольно думаю... Нынешние девушки так много знают... Нам-то, Фанни, приходилось до всего доходить своим умом, это занимало столько времени... Будь у меня в юности такие преимущества, как у Агаты Рансибл... А кто этот молодой человек, с которым она шла?

– Не знаю, и, честно говоря, мне не кажется... а тебе? На вид он такой сдержанный.

– У него красивые глаза. И походка хорошая.

– Возможно, если бы дошло до дела... И все же, я говорю, будь у меня в свое время такие возможности, как у Агаты Рансибл...

– Ты что ищешь, милочка?

– Смотри-ка, милочка, какие чудеса. Вот они, мои нюхательные соли, все время тут и лежали, вместе со щетками.

– Ах, Фанни, мне так совестно, если б я знала...

– Вероятнее всего, моя дорогая, ты видела на туалете дру-

гой пузырек. Может быть, это горничная его туда положила. В той гостинице все бывает, правда?

– Фанни, прости меня...

– Что тут прощать, дорогая? Ведь ты же, милая, правда видела там другой пузырек?

– Смотри-ка, а вон Майлз.

– Майлз?

– Твой сын, дорогая. Ну знаешь, мой племянник.

– Ах, *Майлз*! А знаешь, Китти, кажется, это и в самом деле он. Совсем перестал меня навещать, такой нехороший мальчик.

– Станный у него вид, ужасно похож на педа.

– Знаю, моя дорогая. Это для меня большое огорчение. Но я стараюсь меньше об этом думать, ведь иного трудно было и ждать при том, что представлял собой бедный Троббинг.

– За грехи отцов, Фанни...

Где-то, не доезжая Мейдстона, мистер Фрабник окончательно пришел в себя. Напротив него на диване спали оба детектива – котелки съехали на лоб, рот раскрыт, красные ручки бессильно лежат на коленях. По стеклам барабанил дождь; в вагоне было очень холодно и стоял застарелый запах табака. Со стен глядели рекламы отвратительных живописных развалин; снаружи под дождем мелькали щиты, рекламирующие патентованные средства и собачьи галеты. «Каждая галета МОЛЛАСИН виляет хвостом», – прочел ми-

стер Фрабник, а колеса без конца отстукивали: «Досто-почтен-ный джентль-мен, досто-почтен-ный джентль-мен...»

Адам сел в вагон вместе с Цветом Нашей Молодежи. Все они еще выглядели неважно, но сразу воспрянули духом, когда узнали, какому жестокому обращению подверглась мисс Рансибл на таможене.

— Ну, знаете ли, — заявили они, — Агата, деточка, это же просто позор! Это неслыханно, это безобразие, это недомыслие, это варварство, это ужасно, ужасно! — А потом заговорили о предстоящем вечере у Арчи Шверта.

— Кто такой Арчи Шверт? — спросил Адам.

— А-а, это уже после вашего отъезда. Жуткий человек. Его обнаружил Майлз, но с тех пор он так вознесся, что скоро перестанет нас узнавать. В общем-то, он очень милый, только безнадежно вульгарен, бедняжка. Живет в отеле «Ритц», это, по-моему, шикарно, правда?

— Он и вечер устраивает там?

— Ну что вы, милый, конечно нет. Вечер будет в доме Эдварда Троббинга. Вы же знаете, это брат Майлза, но он занят какой-то там политикой и ни с кем не знаком. Он заболел и уехал в Кению или куда-то там еще, а его дом на Хартфорд-стрит, идиотский такой дом, стоит пустой, вот мы все туда и переселились. И вы к нам вселяйтесь, очень будет весело. Дворецкий и его жена сначала были очень недовольны, но мы их угощали вином и дарили им всякие вещи, и теперь

они в восторге, только и делают, что вырезают из газет заметки о нашем времяпрепровождении.

Одно плохо, что у нас нет машины. Майлз ее разбил, я имею в виду машину Эдварда, а ремонт нам абсолютно не по карману, так что скоро придется переезжать. Да и вообще там все побилось и грязь ужасная. Понимаете, прислуги в доме нет, только вот дворецкий с женой, а они теперь вечно пьяные. Такой дурной пример... Мэри Маус была ангельски добра, она нам присылала корзины с икрой и всякими вкусностями... Сегодняшний вечер Арчи, конечно, тоже устраивает на ее деньги.

– А знаете, меня что-то опять начинает тошнить.

– Ох, Майлз!

(Ох, Цвет Нашей Молодежи!)

У ангелов, ехавших в переполненном вагоне второго класса, настроение поднималось медленно.

– Опять она взяла Оглядку с собой в машину, – сказала Праведная Обида, которая когда-то в течение одной блаженной недели состояла у миссис Оранг в любимицах. – Что она в ней нашла, не понимаю... А в Лондоне хорошо, Стойкость? Я там только раз побывала, уже давно.

– Там просто рай. Магазины и вообще.

– А мужчины там какие, Стойкость?

– У тебя, Непорочность, только и есть на уме что мужчины?

– Ничего подобного. Я просто спросила.

– Как тебе сказать. Смотреть особенно не на что по сравнению с магазинами. Но польза от них есть.

– Слышали? Ай да Стойкость! Вы слышали, что она сказала? Она говорит: «Польза от них есть».

– От магазинов?

– Да нет же, дуреха, от мужчин.

– Ах, от мужчин? Да, это неплохо сказано.

И вот поезд прибыл на вокзал Виктории, и все эти пассажиры разъехались во все концы Лондона.

Адам оставил чемодан в гостинице и сразу поехал на Генриетта-стрит, к своему издателю. Рабочий день в редакции кончался, многие сотрудники уже разошлись, но Сэм Бенфлит, младший компаньон, с которым Адам всегда имел дело, по счастью, еще сидел в своем кабинете – читал в корректуре роман одной из их постоянных авторш. Это был весьма толковый, молодой еще человек, внешности элегантной, но строгой (секретарша всегда трепетала, когда входила к нему с чашкой чаю).

– Нет, это у нее не пройдет, – приговаривал он, скрепляя своей подписью протесты наборщика. – Нет, черт возьми, это не пройдет. Этак мы все из-за нее угодим за решетку. – Одной из самых ответственных его обязанностей было «подсаливать» не в меру пресные рукописи и приглушать не в меру откровенные, приводя их таким образом к единому,

апробированному на данный день уровню нравственности.

Адама он приветствовал как нельзя более сердечно.

– Рад вас видеть, Адам. Как дела? Садитесь. Закуривайте. Хорошенькой погодой вас встречает Лондон. А на море как было, сносно?

– Так себе.

– Сочувствую. Хуже качки ничего не придумаешь. Может, пообедаете у меня нынче вечером? Будут кое-какие симпатичные американцы. Вы где остановились?

– В «Шепарде». У Лотти Крамп.

– Ну, там не скучно. Я десять лет стараюсь вытянуть из Лотти автобиографию. Да, кстати. Ведь вы, вероятно, привезли нам рукопись? Старик Рэмпол только на днях о ней справлялся. Неделю-то вы уже просрочили. Аннотации давно разосланы, надеюсь, вам понравились. Выпуск назначен на вторую неделю декабря, чтобы она попала в продажу за полмесяца до выхода автобиографии Джонни Хупа. Его-то раскупят мгновенно. Там есть кое-какие рискованные места, кое-что пришлось снять – вы же знаете, что такое старик Рэмпол. Джонни очень сердился. А теперь я уже предвкушаю, как буду читать вас.

– Понимаете, Сэм, тут случилась одна ужасная вещь.

– Что такое? Вы, надеюсь, не хотите сказать, что работа не кончена? Договорный срок, сами понимаете...

– Да нет, она кончена. И сгорела.

– Сгорела?

– Сгорела.

– Какой ужас. Надеюсь, вы застрахованы?

Адам рассказал ему об обстоятельствах гибели своей автобиографии. Потом наступило долгое молчание – Сэм Бенфлит размышлял.

– Я все думаю, как бы поубедительнее преподнести это старику Рэмполу.

– Мне кажется, это достаточно убедительно.

– Не знаете вы старика Рэмпола, Адам. Работать под его началом бывает трудновато. Будь моя воля, я бы сказал: «Не торопитесь. Начните сначала. Не надо волноваться». Но от старика Рэмпола никуда не денешься. Он просто помешан на договорных сроках. И вы же сами сказали... Очень это все сложно. Право же, я от души жалею, что так получилось.

– Представьте себе, я тоже.

– Есть и еще одна загвоздка. Вы ведь получили аванс? Если не ошибаюсь, пятьдесят фунтов? Да, это очень усложняет дело. Старик Рэмпол вообще против того, чтобы платить молодым авторам такие большие авансы. Не хотелось бы это говорить, но мое мнение такое: лучше всего было бы вам вернуть аванс – разумеется с процентами, это уж старик Рэмпол непременно потребует – и расторгнуть договор. Тогда, если бы вам захотелось написать книгу заново, мы бы, конечно, с радостью приняли ее к рассмотрению. Вероятно, вы... вам как, было бы сейчас вполне удобно вернуть аванс?

– И неудобно, и просто невозможно, – сказал Адам ничего

не выражающим тоном.

Снова наступило молчание.

– Черт знает какая глупость, – заговорил Сэм Бенфлит. – Это просто безобразие, что таможенными чиновниками разрешают творить такой произвол. Это же совершенно невежественные люди. Понятия не имеют о свободе слова. А мы вот что сделаем. Поместим ряд писем по этому поводу на страницах «Нью стейтсмен»... Черт знает до чего глупо. Но знаете, я, кажется, нашел приемлемый выход. Вы как, успели бы написать книгу заново к тому времени, когда мы публикуем наши весенние списки? Ну вот, тогда мы расторгнем договор, а про аванс забудем. Нет-нет, голубчик, не благодарите. Будь я сам себе хозяин, я бы только так и поступал с утра до ночи. А потом заключим с вами новый договор. К сожалению, несколько менее выгодный, чем прежний. Второго такого старик Рэмпол не подпишет. Да чего же лучше, мы просто заключим с вами наш типовой договор на первый роман. У меня вот и печатный бланк под рукой. Заполнить – одна минута. Вы подпишите вот здесь.

– А условия прочесть можно?

– Сделайте одолжение. Я знаю, на первый взгляд они несколько жестки, но это наша обычная форма. В тот раз мы сделали для вас исключение. Все очень просто. За первые две тысячи экземпляров ничего, потом два с половиной процента, а после десяти тысяч – пять. Право на журнальную публикацию, на экранизацию, инсценировку, на выпуск

в Америке и в колониях и на перевод мы, конечно, оставляем за собой. И конечно, следующие ваши двенадцать книг вы в первую очередь предлагаете нам на тех же условиях. В общем, все ясно до предела и не оставляет места для пререканий, отравляющих отношения между издателем и автором. Почти все наши авторы работают по таким договорам... Так, отлично. И по поводу аванса очень прошу вас больше не тревожиться. Мне все понятно. А уж старика Рэмпола я как-нибудь ублажу, в крайнем случае вычтем из моего жалованья.

– Старика Рэмпола ублажу, – задумчиво повторил мистер Бенфлит, когда за Адамом закрылась дверь. Хорошо еще, размышлял он, что ни один автор в глаза не видел старшего компаньона – благостного старичка, который раз в неделю приезжал в город на заседание правления, а делами фирмы интересовался главным образом в связи с судьбой собственной книжечки о разведении пчел, изданной двадцать лет назад и уже давно – хоть и без его ведома – снятой с продажи. В трудные минуты мистер Бенфлит нередко спрашивал себя, какие аргументы он будет пускать в ход, когда Рэмпол не станет.

Только теперь Адам вспомнил, что он помолвлен. Звали его нареченную Нина Блаунт. На станции метро он вошел в зловонную будку и позвонил ей с автомата.

– Алло.

– Алло.

– Можно попросить мисс Блаунт?

– Сейчас узнаю, дома ли она, – сказал голос мисс Блаунт. – А кто ее спрашивает? – Это была ее маленькая слабость – притворяться, будто она не сама подходит к телефону.

– Мистер Фенвик-Саймз.

– Ах...

– Иначе говоря, Адам. Как поживаешь, Нина?

– Сейчас мне что-то нездоровится.

– Бедная Нина. Можно к тебе приехать?

– Нет, милый, я как раз собралась принять ванну. Давай лучше пообедаем вместе.

– Обедать я пригласил Агату Рансибл.

– Почему?

– Ее сегодня раздевали какие-то матросы.

– Да, знаю, про это уже есть в вечерней газете... Ну тогда сделаем по-другому. Встретимся на вечере у Арчи Шверта. Ты ведь будешь?

– Обещал быть.

– Вот и хорошо. Фрак не надевай. Никто не будет во фраке, кроме Арчи.

– Да, Нина, чуть не забыл. Кажется, я все-таки не смогу на тебе жениться.

– Ну что ты, Адам, как скучно. Почему?

– Они сожгли мою книгу.

– Негодяи. А кто это «они»?

– Расскажу, когда увидимся.

– Да, непременно. До свидания, милый.

– До свидания, моя радость.

Он повесил трубку и вышел из телефонной будки. В вестибюле метро было тесно – люди спасались здесь от дождя, они стряхивали воду с зонтов и читали вечерние газеты. Через плечи ближайших соседей Адам прочел заголовки:

ЧТО ПЕРЕЖИЛА ДОЧЬ ПЭРА В ДУВРЕ.

СВЕТСКАЯ КРАСАВИЦА ПРЕДЪЯВЛЯЕТ
СЕРЬЕЗНЫЕ ОБВИНЕНИЯ.

ДОСТОПОЧТ. АГАТА РАНСИБЛ ЗАЯВИЛА: «СО
СТЫДА СГОРЕТЬ МОЖНО».

– Бедняжечка, – возмущалась рядом с ним какая-то пожилая женщина. – Вот уж безобразие так безобразие. И личико у нее такое милое. Я вчера только видела ее портрет в газете. Всюду им надо нос совать, такие бессовестные. А отцу-то ее каково? Видишь, Джейн, тут и про него прописано: «В интервью, данном им сегодня вечером в Карлтон-клубе, лорд Казм...» – это ее папаша – «сказал, что отказывается сделать какое-либо определенное заявление. „Мы этого так не оставим“, – добавил он». И правильно добавил, неужто это можно так оставить! Душа болит за девушку, ну точно она моя родная дочь. Столько раз ее портрет видела, а наша Сара ведь ходила по вторникам убирать черную лестницу в том доме, где раньше ее тетка жила – та, что прошлый год развелась, еще такое скандальное было дело.

Адам купил газету. Теперь всех денег у него осталось

ровно десять шиллингов. Идти пешком в такой дождь не хотелось, и он доехал в битком набитом поезде метро до Дувр-стрит, а оттуда пробежал по лужам до отеля «Шепард» (который мы, применительно к настоящему повествованию, условно поместили на углу Хэй-Хилла).

Глава 3

Лотти Крамп, хозяйка гостиницы «Шепард» на Дувр-стрит, в неизменном сопровождении своих двух скотчтерьеров, служит нам отрадным напоминанием о том, что наследие блестящей эпохи Эдуарда – это не только леди Энкоредж и миссис Блекуотер. Лотти – видная женщина, неподвластная влиянию житейских невзгод и отказывающаяся замечать те общественные перемены, что так волнуют ее более наблюдательных сверстниц из высшего света. Когда началась война, Лотти сняла со стены фотографию кайзера с собственноручной надписью и не без торжественности перевесила ее в уборную для мужской прислуги. На этом ее боевые действия закончились. С тех пор она познала свою долю забот – подоходный налог, ограничения продажи спиртных напитков, молодые люди, чьи отцы были ее добрыми друзьями, сующие ей фальшивые чеки, – но все это быстро забывалось. Человек, задыхающийся от современности, если только лицо его нравится Лотти, и теперь еще может в любую минуту прийти в гостиницу «Шепард» и жадными, целительными глотками вдыхать холодный и чистый воздух довоенной незыблемости.

Здание гостиницы имеет простой кирпичный фасад с небольшим фронтоном и широкий, простой парадный подъезд. Внутри оно напоминает загородный дом. Лотти обожа-

ет распродажи и всякий раз, как идет с молотка еще одно родовое гнездо времен ее молодости, старается унести что-нибудь к себе на память о прошлых днях. В гостинице тесно от мебели, частью прекрасной, частью невообразимо уродливой; там полно красного плюша, и красной кожи, и всевозможных свадебных подарков восьмидесятых годов, в особенности тех механических приспособлений, украшенных монограммами и гербами, что связываются в нашем представлении с сигарами. Так и кажется, что в ванной там должны быть свалены крокетные молотки и клюшки для поло, в нижнем ящике комода – детские игрушки, а в коридорах между обитыми сукном, пропахшими сыростью дверями – велосипед, и трость из тех, что превращаются в пилу, и план поместья, и старинная, с торчащей соломой мишень для стрельбы из лука. (На самом же деле если вы что и обнаружите в своем номере, так только пустую бутылку от шампанского или смятую ночную кофточку.)

Прислуга здесь, как и мебель, старая и побывавшая в услужении у знати. Метрдотель Додж – он теперь туг на ухо, подслеповат и замучен подагрой – когда-то был дворецким у Ротшильдов. Более того, он не раз качал на коленях отца Ротшильда, когда тот в раннем детстве приезжал со своим отцом (одно время пятнадцатым по богатству человеком в мире) навестить еще более богатых родичей; но не в характере Доджа было бы притворяться, будто он питал симпатию к будущему иезуиту, который уже тогда был «смышлен не по

летам», любил задавать мудреные вопросы и отличался редкостной проницательностью в распознавании всякой лжи и преувеличений.

Кроме Доджа, там имеются несчетные старые горничные, которые с утра до ночи трусят взад-вперед с кувшинами горячей воды и чистыми полотенцами. Имеется там и молодой итальянец, который выполняет почти всю работу и выслушивает оскорбительную ругань Лотти – она как-то застала его в ту минуту, когда он пудрил себе нос, и не дает ему об этом забыть. Это чуть ли не единственный эпизод из ее личной жизни, который она предала широкой гласности.

В гостиной Лотти, этом главном средоточии жизни «Шепарда», размещается богатое собрание снимков мужской половины едва ли не всех царствующих фамилий Европы (кроме бывшего германского императора, так и оставшегося в изгнании, несмотря на то что в связи с его вторым браком отношение к нему заметно потеплело). Здесь запечатлены на фотографиях молодые мужчины, верхом берущие барьеры, пожилые мужчины – победители на «классических» скачках, отдельно лошади и отдельно молодые мужчины в тесных белых воротничках и в гвардейских мундирах. Есть карикатуры работы «Шпиона» и снимки, вырезанные из иллюстрированных журналов, многие с кратким некрологом «Пал на поле боя». Есть снимки яхт с распушенными парусами и пожилых мужчин в яхтсменских кепи; есть несколько забавнейших снимков автомобилей первых марок. Есть считаное

число писателей и художников, и нет ни одного актера, ибо Лотти, как истинный сноб старого закала, превыше всего ценит деньги и титулы.

Когда Адам вошел в гостиницу, Лотти стояла в холле и ругала лакея-итальянца.

– Совсем нас забыли, – сказала она. – Входите, входите. Мы тут как раз собрались выпить. Встретите многих старых знакомых.

Она повела Адама в гостиную, где сидело несколько мужчин – ни одного из них Адам раньше не видел.

– С лордом Какбишьего вы, конечно, все знакомы? – спросила Лотти.

– Мистер Саймз, – поправил Адам.

– Да, голубчик, я так и говорю. Ведь я вас знала, когда вас еще на свете не было. Как ваш батюшка, жив-здоров?

– Нет, к сожалению, умер.

– Подумать только. Я бы вам могла кое-что о нем порассказать. Ну а пока знакомьтесь. Это мистер Забылафамилию, вы его, наверно, помните. А вон тот в углу – майор, а это мистер Нукакого, а это американец, а вот король Руритании.

– Увы, бывший, – сказал печальный мужчина с бородой.

– Бедненький, – сказала Лотти, питавшая слабость к коронованным особам, даже свергнутым с престола. – Такое, право, безобразие. После войны взяли и выгнали в шею. И ни гроша в кармане. Много-то у него никогда не было. А теперь и жену его упрятали в желтый дом.

– Бедная Мария-Христина. Это правда, что миссис Крамп сказал. У нее мозги совсем нет. Она думает, все люди – бомба.

– Что правда, то правда, – горячо подхватила Лотти. – Я в субботу возила короля к ней на свидание (не хочу, чтобы он ездил третьим классом). Жалко ее до слез. Все время подпрыгивает, дрожит. Ей мерещится, что в нее что-то бросают.

– И одна вещь странная, – сказал король. – Во всех моих родных бросали бомбы, а в королева никогда. Мой бедный дядя Иосиф, его разорвало на куски в опере, моя сестра нашла три бомбы в своей постели. А моя жена – никогда. Но один день горничная причесывала ее перед обедом и говорит: «Ваше величество, повар брал урок от повара французской миссии...» Еда в моем доме не была, как вы говорите, шик. Баранина горячая, завтра баранина холодная, потом та же баранина опять горячая, но вкус хуже, не шик, вы понимаете... «Он брал урок от французского повара, – говорит горничная, – и приготовил одна большая бомба. Это сюрприз к обеду сегодня, для шведский посланник». Тогда бедная королева сказал «ах», вот так, и теперь ее бедные мозги перепутался.

Бывший король Руритании тяжело вздохнул и закурил сигару.

– Ну что ж, – сказала Лотти, смахнув слезу, – давайте выпьем. Вот вы, ваша честь, судья Каквастам, может, угостите общество?

Американец, которого, как и остальных слушателей, рассказ экс-короля взволновал до глубины души, ответил с поклоном:

– Я почти за большую честь, если его величество, и вы, миссис Крамп, и все присутствующие джентльмены...

– Вот и молодец, – сказала Лотти. – Эй, где там мой сказочный принц? Опять небось пудрится. Ну-ка, Нэнси, отложи косметику и иди сюда.

Итальянец появился на пороге.

– Бутылку вина, – сказала Лотти. – Запишешь на судью Какего. (В гостиной у Лотти «вино», если сорт не оговорен особо, означает шампанское. Еще там процветает таинственная игра в кости, где каждая партия кончается тем, что кто-нибудь преподносит по бутылке вина каждому из участников. Впрочем, Лотти – справедливая душа: выписывая счета своим постояльцам, она обычно устраивает так, что за все платят самые богатые.)

После третьей или четвертой бутылки Лотти сказала:

– А знаете, кто сегодня обедает у нас наверху? Премьер-министр.

– Я никогда не любил премьер-министры. Они все говорят, говорят, говорят. «Сэр, вам надо подписать вот это». «Сэр, вам надо поехать сюда и туда». «Сэр, вам надо застегнуть эту пуговицу, прежде чем дать аудиенция черному послу из Либерии». Ха! После войны мой народ дал мне по шапке, но моего премьер-министра они выбросили из окна,

прямо бух – и на землю. Ха-ха.

– Причем обедает не один, – сказала Лотти, очень хитро подмигнув.

– Кто, сэр Джеймс Браун? – спросил майор, шокированный, несмотря ни на что. – Быть не может.

– Нет, фамилия ему Фрабник.

– Он не премьер-министр.

– Нет, премьер. Я в газете читала.

– Нет, не премьер. Он ушел с поста на прошлой неделе.

– Ну и чудеса. Все время они меняются. Просто сладу с ними нет. Додж! Додж! Как зовут премьер-министра?

– Простите, мэм, не расслышал.

– Как зовут премьер-министра?

– Нет, мэм, нынче не ожидается. Мне, во всяком случае, ничего не сообщали.

– Невозможный старик. Как зовут премьер-министра?

– О, прошу прощения, мэм, я вас не понял. Сэр Джеймс Браун, мэм, баронет. Очень приятный человек, так мне говорили. Консерватор, если не ошибаюсь. Они из Глостершира, как будто так.

– Ну, что я говорила? – торжествующе воскликнула Лотти.

– Это очень удивительная вещь, ваш конституция, – сказал бывший король Руритании. – В детстве меня все время обучали только британская конституция. Мой домашний учитель был раньше учитель в вашей школе Итон. А теперь,

когда я приехал в Англию, тут все время новый премьер-министр, и никто не знает, который какой.

– Понимаете, сэр, – сказал майор, – это все по вине либералов.

– Либералы? Да. У нас тоже были либералы. Я вам расскажу. Я имел одна золотая вечная ручка. Мой крестный, добрый эрцгерцог Австрийский, подарил мне одна золотая вечная ручка с орлами. Я любил моя золотая вечная ручка. – Король прослезился. Ему теперь не часто доводилось пить шампанское. – Я очень любил моя золотая вечная ручка с маленькими орлами. И один день у нас стал министр-либерал. Граф Тампен, человек чрезвычайной скверности, миссис Крамп. Он пришел ко мне говорить, и стоял около моего секретера, и говорил слишком много – про что, я не понимал. А когда он ушел – где моя золотая вечная ручка с орлами? Тоже ушла.

– Бедный король, – сказала Лотти. – Вы не унывайте, лучше выпейте еще бокал.

– ...Почту за большую честь, – сказал американец, – если ваше величество, и эти джентльмены, и миссис Крамп...

– Додж, пришлите-ка сюда моего херувимчика... Эй ты, судья просит еще бутылку вина.

– Зачту по большую честь... почту за большую честь, если миссис величество, и эти джентльмены, и его Крамп...

– Молодец, судья. Сейчас принесут еще бутылку.

– Почту за большую Крамп, если его джентльмены, и эти

величества, и миссис честь...

– Да-да, судья, все правильно. Вы там смотрите, друзья, как бы он не свалился. И пьют же эти американцы.

– ...Почту за величество Крамп, если миссис джентльмен...

И его честь судья Скимп из федерального верховного суда залился громким смехом. (В оправдание всех этих людей следует напомнить, что никто из них еще не обедал.)

В комнате, между прочим, находился также некий молодой человек с усами, на вид очень тихий и корректный. До сих пор он молча пил в своем уголке, лишь изредка бросая судье Скимпу короткое «за ваше», а теперь вдруг поднялся и сказал:

– Держу пари, что вам этого не сделать.

Он выложил на стол три монеты по полпенса и не спеша подвигал их, после чего гордо вскинул голову.

– К каждой монете я прикоснулся всего пять раз, – сказал он, – и два раза поменял их местами. Ну-ка, кто так сумеет?

– Вот это ловкость рук! – сказала Лотти. – И где только вас такому обучили?

– Один тип в поезде показал.

– Мне кажется, это нетрудно, – сказал Адам.

– А вы попробуйте. Не выйдет. Держу пари на что хотите.

– На сколько, например? – Лотти сияла, такие вещи были в ее вкусе.

– На сколько хотите. На пятьсот фунтов?

– Соглашайтесь, – сказала Лотти. – Выиграете. У него денег много.

– Идет, – сказал Адам.

Он взял монеты и тоже подвигал их по столу, а кончив, спросил:

– Ну как?

– Ах, черт побери, – сказал молодой человек. – В первый раз вижу. Я за одну неделю заработал этим фокусом уйму денег. Получите. – Он достал бумажник и протянул Адаму кредитку в пятьсот фунтов. Потом опять сел в тот же уголок.

– Одобряю, – сказала Лотти. – Сразу виден благородный человек. По этому случаю надо выпить.

И все выпили еще по бокалу.

Вскоре молодой человек опять встал с места.

– Предлагаю реванш. Орел или решка. Два из трех – выигрыш.

– Идет, – сказал Адам.

Они бросили монету по два раза, и оба раза выиграл Адам.

– Ах, черт побери, – сказал молодой человек, протягивая ему вторую кредитку. – Везет вам.

– У него денег куры не клюют, – сказала Лотти. – Тысяча фунтов для него пустяк.

Ей нравилось воображать это про всех своих постояльцев. Но в данном случае она заблуждалась. У этого молодого человека было в кармане столько денег потому, что он только

что продал те немногие ценные бумаги, которые у него еще оставались, чтобы купить новый автомобиль. Вместо этого он на следующий день с горя купил подержанный мотоцикл.

Чувствуя легкое головокружение, Адам выпил еще бокал, чтобы мысли прояснились.

– Можно я схожу позвоню? – сказал он.

И позвонил Нине Блаунт.

– Это Нина?

– Адам, милый, ты уже пьян.

– Откуда ты знаешь?

– Слышу. Тебе что нужно, а то я сейчас уезжаю обедать.

– Я только хотел сказать, что пожениться мы сможем. У меня есть тысяча фунтов.

– Чудесно. А как ты их добыл?

– Расскажу, когда увидимся. Мы где обедаем?

– В «Ритце». Потом к Арчи. Милый, я очень рада, что мы поженимся.

– Я тоже. Но не надо делать из этого мелодраму.

– А я и не собиралась. К тому же ты пьян.

Он вернулся в гостиную. Мисс Рансибл уже приехала и стояла в холле, разодетая для вечера.

– Кто эта девка? – спросила Лотти.

– Она не девка. Это Агата Рансибл.

– А на вид девка... Здравствуйте, душенька, входите. Мы тут как раз собрались выпить. Вы, конечно, со всеми знакомы? Вот этот, с бородой, – король... Нет, солнышко, ко-

роль Руритании. Вы не обиделись, что я приняла вас за девушку, нет? Очень уж похоже, и наряд весь такой. Теперь-то я, конечно, вижу, что ошиблась.

– Дорогая моя, – сказала Агата Рансибл, – если б вы увидели меня сегодня днем... – И она стала рассказывать Лотти Крамп про свои злоключения на таможене.

– Что бы вы сделали, если бы вдруг получили тысячу фунтов? – спросил Адам.

– Тысячу фунтов, – сказал король, и глаза его затуманились от такого фантастического видения. – Ну, сначала я бы купил дом, автомобиль, и яхта, и новые перчатки, а потом основал бы в моей стране одна маленькая газета, чтобы она писала, что я должен вернуться и быть король, а потом я не знаю, что буду делать, когда опять получу веселость и великолепность.

– Но к сожалению, сэр, тысячи фунтов на все это не хватит.

– Да?.. Не хватит?.. Целой тысячи фунтов? Ну, тогда я, наверно, куплю золотая вечная ручка с орлами, какая украли либералы.

– А я знаю, что бы я сделал, – сказал майор. – Я бы поставил их на лошадь.

– На какую?

– Могу вам назвать аутсайдера, у которого есть все шансы победить в ноябрьском гандикапе. Кличка – Селезень. Пойдет в двадцати к одному, а то и меньше. Если поставить на

нее тысячу и она придет, вы сразу станете богатым человеком, разве нет?

– Верно. Это идея. Вы знаете, я, пожалуй, так и сделаю. Идея просто замечательная. А как это можно сделать?

– Давайте мне вашу тысячу, я все устрою.

– Вы очень любезны.

– Ничего, ничего, пожалуйста.

– Нет, в самом деле, это очень любезно с вашей стороны.

Спасибо, вот они. Вам налить?

– Нет, уж это я угощаю.

– Я первый сказал.

– Ну, тогда выпьем вместе.

– Одну минуту, мне только нужно позвонить по телефону.

Он позвонил в отель «Ритц» и попросил найти Нину.

– Милый, ты что-то очень часто звонишь.

– Нина, у меня к тебе важный разговор.

– Слушаю, милый.

– Нина, тебе что-нибудь известно про лошадь по кличке

Селезень?

– Кажется, да. А что?

– Какая это лошадь?

– Никуда не годная. Она принадлежит матери Мэри Маус.

– Совсем плохая лошадь?

– Да.

– У нее нет шансов победить в ноябрьском гандикапе?

– Ни малейших. Ее, наверно, даже не выпустят. А что?

– Знаешь, Нина, выходит, что мы все-таки не сможем пожениться.

– Почему, дорогой?

– Да понимаешь, я поставил мою тысячу фунтов на Селезня.

– Очень глупо сделал. Ты не можешь взять их обратно?

– Я их отдал майору.

– Какому еще майору?

– Вдребезги пьяному. Фамилии не знаю.

– Ну так постарайся догнать его, пока не поздно. А мне надо идти, я обедаю. До свидания.

Но когда он вернулся в гостиную Лотти, майора там не было.

– Какой майор? – ответила Лотти вопросом на его вопрос. – Я тут никакого майора не видела.

– Тот, с которым вы меня познакомили. Сидел вот там, в углу.

– С чего вы взяли, что он майор?

– Вы же мне и сказали.

– Голубчик, я его в первый раз видела. Но он, пожалуй, и правда похож на майора, разве нет? Вы нам не мешайте, эта милашечка рассказывает мне ужасно интересные вещи. Аж сердце замирает, до чего безнравственные бывают люди.

Пока мисс Рансибл заканчивала свою историю (которая при каждом повторении все больше смахивала на непристойную антитурецкую пропаганду), бывший король пове-

дал Адаму, что он тоже знал одного майора – тот приехал из Пруссии с задачей реорганизовать руританскую армию, а потом скрылся в южном направлении, прихватив с собой все столовое серебро из офицерского собрания, жену лорда-камергера и пару подсвечников из королевской часовни.

К тому времени, как мисс Рансибл кончила, негодование Лотти достигло предела.

– Просто уму непостижимо, – сказала она. – Этакие скоты. А я ведь знала вашего батюшку, когда вас не то что на свете, даже в проекте еще не было. Сейчас же поговорю об этом с премьер-министром. – И она взялась за телефонную трубку. – Мне Фрабника, – сказала она телефонисту. – Он наверху, в двенадцатом номере, с японкой.

– Фрабник не премьер-министр, Лотти.

– Нет, премьер. Вы разве не помните, что сказал Додж?.. Алло, это Фрабник? Говорит Лотти. И вам не совестно? Лучше ничего не придумали, чем срывать платье с бедной, беззащитной девушки?

Лотти говорила еще долго.

Мистер Фрабник уже пообедал, и упреки, сыпавшиеся на него из телефона, отчасти соответствовали его настроению. Он далеко не сразу сообразил, что речь идет всего лишь о мисс Рансибл. Лотти к тому времени почти иссякла, однако закончила весьма эффектно.

– Не Фрабник вы после этого, а похабник, – сказала она, швыряя трубку. – Вот какого я о нем мнения. А теперь, мо-

жет, выпьем?

Но компания ее уже распалась. Майор ушел, судья Скимп спал, уронив красивые белые волосы в пепельницу. Адам и мисс Рансибл решали, куда отправиться обедать. Вскоре остался только король. Он предложил Лотти руку с изысканной грацией, усвоенной много лет назад в далеком краю, в маленьком солнечном дворце, где огромная люстра разбрасывала звездные блески, как бриллианты от разорванного кольца, по малиновому ковру с тканым узором из монограмм и корон.

И они вдвоем проследовали в столовую.

Наверху в двенадцатом номере – апартаментах просторных и даже роскошных – мистер Фрабник уже скользил вниз с вершины отваги, на которую с таким трудом взобрался. Если бы не этот телефонный звонок, говорил он себе, он, безусловно, довел бы дело до конца. А теперь баронесса лепечет, что его, вероятно, ждут дела, и она, конечно, ему мешает, и пусть будет так любезен, вызовет ее машину.

До чего же это все трудно. По европейским понятиям приглашение пообедать вдвоем в номере «Шепарда» могло означать только одно. То, что она согласилась приехать в первый же вечер по его возвращении в Англию, исполнило его трепетной надежды. Но во время обеда она держалась так спокойно, так по-светски непринужденно. Впрочем, как раз перед тем, как зазвонил телефон, когда они только что

встали из-за стола и пересели к камину – тут, несомненно, да, несомненно, чем-то таким повеяло. Но с этими восточными женщинами никогда не знаешь... Он обхватил руками колени и выговорил каким-то странным, чужим голосом, неужели ей нужно уезжать, и что так было чудесно после двух недель, и еще – совсем уже через силу – что он столько думал о ней в Париже. (Ах, куда девались слова – те сокровища речи, что он мог растрчивать как хотел, швырять в палату общин, где они сверкающими, крутящимися червонцами катились по полу! Где те несчетные фразы, что он звонкими пригоршнями рассыпал по своему избирательному округу!)

Маленькая баронесса Иосивара, сложив золотые ручки на коленях золотого вечернего платья от Пакена, сидела, куда ее послали, еще более озадаченная, чем мистер Фрабник, и ждала приказаний. Что нужно этому лукавому англичанину? Если он занят, почему не велит ей уйти? Не скажет приехать в другой раз? Если хочет, чтобы его любили, почему не подзовет ее? Почему не поднимет с этого красного плюшевого кресла и не посадит к себе на колени? Или она сегодня выглядит безобразной? Ей-то казалось, что нет. Так трудно понять, что нужно этим западным мужчинам.

И тут опять зазвонил телефон.

– Одну минуту, – сказал чей-то голос. – С вами будет говорить отец Ротшильд... – Это вы, Фрабник? Очень вас прошу, приезжайте ко мне, как только сможете. Мне нужно обсудить с вами ряд вопросов.

– Право же, Ротшильд, не понимаю, к чему это. У меня гостья.

– Баронессе следует немедленно ехать домой. У лакея, который подавал вам кофе, брат работает в японском посольстве.

– Боже мой, неужели? Но почему вы не хотите потревожить Брауна? Ведь премьер-то он, а не я.

– Вы вступаете в должность завтра... Прошу вас, как можно скорее, адрес вам известен.

– Ну хорошо, хорошо.

– О да, конечно.

Глава 4

На вечере у Арчи Шверта пятнадцатый маркиз Вэнбру, граф Вэнбру де Брендон, барон Брендон, лорд Пяти Островов и наследственный сокольничий королевства Коннот, сказал восьмому графу Балкэрну, виконту Эрдинджу, Алому рыцарю Ланкастерскому, Паладину Священной Римской империи и Шенонсосскому Герольду герцогства Аквитании: «Здорóво. Ну и отвратный вечер. Ты что будешь о нем писать?» – потому что оба они по странной случайности вели отдел светской хроники в ежедневных газетах.

– Я уже передал материал по телефону, – сказал лорд Балкэрн. – Теперь, слава тебе господи, можно и уходить.

– А у меня что-то ни одной мысли в голове, – сказал лорд Вэнбру. – Вчера моя редакторша заявила, что ей надоело изо дня в день читать одни и те же имена, а сегодня они опять все тут, все до единого. Ну, расстроилась помолвка Нины Блаунт, но это не бог весть какая сенсация. Агата Рансибл обычно тянет на несколько абзацев, но ее завтра разгоняют на всю первую полосу в связи с этой историей на таможне.

– У меня неплохо получилось про Эдварда Троббинга, как он живет в Канаде в бревенчатой хижине, которую построил сам, с помощью одного только индейца. Меня это потому соблазнило, что Майлз сегодня наряжен индейцем. Недурно, а?

– Очень даже недурно. Можно, я это использую?
– Хижину, так и быть, возьми, но индейца оставь мне.
– А где он на самом деле обретаётся?
– Кажется, в Оттаве, как гость правительства.
– Кто эта страховитая женщина? Чем-то она, по-моему, знаменита. Это не миссис Мелроз Оранг? Я слышал, она должна здесь быть.

– Которая?
– Да вон, подходит к Нине.
– Ох, нет. Она никто. Сейчас ее зовут миссис Пэнраст.
– Она как будто тебя знает.
– Да, я с ней знаком всю жизнь. Она, понимаешь ли, моя мать.

– Ах, прости, мой милый. Можно я об этом упомяну?
– Лучше не надо. В семье ее терпеть не могут. Она ведь с тех пор два раза разводилась.
– Ну понятно, мой милый. Не буду.

Пять минут спустя он сидел у телефона и диктовал:
– ...орхидея, точка. Абзац. Одной из самых интересных женщин в зале была миссис Пэнраст, П, Э, Н, Р, А... нет, С, система... бывшая графиня Балкэрн. Она одевается в строгом, мужском стиле, который придает такой шик многим американкам, точка. С ней был ее сын, запятая, нынешний граф Балкэрн. Лорд Балкэрн, запятая, один из немногих истинно светских молодых людей... Достопочтенный Майлз Злопрактик был в костюме индейца. В настоящее время он

живет в доме своего брата лорда Троббинга, где и состоялся вчерашний вечер. Выбор этого костюма был особенно... как бы это сказать... вот, был особенно пикантным, курсив, потому что лорд Троббинг, по последним сведениям, живет сейчас в Канаде в бревенчатой хижине, которую он построил своими руками, с помощью одного-единственного слуги-индейца, точка...

Теперь вам ясно, какого рода вечер был этот вечер у Арчи Шверта.

Мисс Маус (в чрезвычайно смелом туалете от Шерюи) сидела на стуле у стены и смотрела во все глаза. Нет, никогда ей не привыкнуть к таким волнующим переживаниям! Она привела с собой подругу, некую мисс Браун, потому что гораздо интереснее, если есть с кем поговорить. Просто дух захватывает, когда на твоих глазах ничемные деньги, скопленные отцом, как по волшебству превращаются в такой блеск, и шум, и столько молодых скучающих лиц. Арчи Шверт, пробегая мимо с бутылкой шампанского, приостановился, сказал: «Мэри, как себя чувствуете, деточка, веселитесь?» – и побежал дальше.

– Это Арчи Шверт, – сказала мисс Маус своей подруге. – Удивительно интересный человек.

– Да? – отозвалась мисс Браун, которой очень хотелось выпить, только она стеснялась это сказать. – Какая ты счаст-

ливица, Мэри, знаешь столько занятных людей. А у меня совсем нет знакомых.

– И приглашения так интересно составлены, правда? Это Джонни Хуп сочинил.

– Да, наверно. Но знаешь, какой ужас, я ведь все эти имена в первый раз слышу³.

– Ну что ты, милая, не может быть, – сказала мисс Маус и где-то очень глубоко, в неизведанных уголках своей души, ощутила легкий, непривычный трепет превосходства. Сама она несколько дней назад подробно изучила это приглашение у отца в библиотеке и теперь знала все про всех.

В этом новом для нее состоянии душевного подъема она уже готова была пожалеть, что не приехала в маскарадном костюме. Вечер назывался дикарским – Джонни написал в приглашении, что все должны нарядиться дикарями. Многие так и сделали. Сам Джонни, в маске и черных перчатках, изображал магараджу Поккапорского, к некоторой досаде самого магараджи, который тоже оказался в числе гостей.

---

³ Следует, пожалуй, объяснить, что в то время бывали приглашения трех сортов. Во-первых, аккуратно и без затей написанные от руки, на них значилось имя, число, месяц, час и адрес; во-вторых, те, что рассылались из Челси: «Ноэл и Обри в субботу вечером решили повеселиться. Приходите и, если можете, приносите бутылку»; и, наконец, те самые, для которых Джонни Хуп заимствовал текст из журнала «Взрыв» и «Футуристического манифеста» Маринетти. Последние представляли собой два столбца убористой печати. В левом был перечень всего, что Джонни ненавидел, в правом – всего, что он, в общем, одобрял. Для большей части вечеров, которые финансировала мисс Маус, приглашения писал Джонни Хуп. – *Примеч. автора.*

Подлинная аристократия – младшие отпрыски тех двух-трех фамилий пивоваров, что правят Лондоном, – не снизошла до переодевания. Они приехали с какого-то бала и держались кучкой, явно забавляясь, но сами совсем не забавные. Сердце у мисс Маус билось, как птичка в клетке. Ее так и подмывало сбросить свой ослепительный туалет и, оголившись до пояса, станцевать танец вакханки. Когда-нибудь, думала мисс Маус, она еще их всех удивит.

Был там один известный актер, который шутил. (Правда, те, кто смеялся, смеялись не тому, что он говорил, а тому, как это говорилось.) «Я приехал на этот вечер диким вдовцом», – заявил он. Вот такие он отпускал шутки, но, разумеется, лицо у него при этом было очень смешное.

Мисс Рансибл переоделась в гавайский костюм и была душой общества.

Были там, в другой комнате, два человека с запасом взрывчатого вещества – они делали снимки. Их вспышки и взрывы порядком нервировали гостей, создавая несколько напряженную атмосферу, потому что все строили пренебрежительные мины и говорили, какая тоска эти газеты и угораздило же Арчи пустить сюда фотографов, но на самом деле большинству ужасно хотелось сфотографироваться, а остальные дрожали от неподдельного страха – вдруг их снимут без их ведома, и тогда их мамы узнают, где они были, когда сказали, что едут потанцевать к Бистерам, и опять бу-

дет сцена, а это так утомительно, не говоря уже о прочем.

Были там и Адам с Ниной, они немного расчувствовались.

– А знаешь, – сказала она, выдирая у него клочок волос, – я почему-то была уверена, что ты шатен.

Арчи Шверт, пробежавший мимо с бутылкой шампанского, остановился и сказал:

– Разве можно быть такой садисткой, Нина?

– Катись отсюда, баранья твоя голова, – сказал Адам, изображая простолюдина. И добавил уже более нежно: – И теперь ты разочарована?

– Да нет, просто немножко чудно, решила выйти замуж за шатена, а он, оказывается, блондин.

– Но ведь помолвка наша все равно расстроилась... или нет?

– Я еще не уверена. У тебя хоть сколько-нибудь денег есть?

– Нет, дорогая, ни гроша. Даже за обед сегодня пришлось платить бедной Агате. А что я буду делать, когда Лотти Крамп подаст мне счет, одному Богу ведомо.

– В конце концов... Адам, пожалуйста, не спи... есть еще папа. По-моему, он гораздо богаче, чем кажется. Он мог бы ссудить нас деньгами на то время, пока ты ничего не получаешь за свои книги.

– А ведь если я буду писать по книге в месяц, то через год развяжусь с этим договором... Как-то я об этом раньше не подумал... Это ведь вполне можно сделать... или нет?

– Конечно можно, милый. Знаешь что? Давай-ка мы завтра съездим к папе. Хочешь?

– Это было бы просто божественно.

– Адам, не спи...

– Прости, милая. Я хотел сказать, что это было бы просто божественно.

И он уснул, положив голову к ней на колени.

– Красота, да и только, – сказал Арчи Шверт, проходя мимо с бутылкой шампанского.

– Адам, проснись, – сказала Нина, выдирая у него еще немного волос. – Нам пора уезжать.

– Было бы божественно... Ой, неужели я заснул?

– Да, ты проспал часа три. А я тобой любовалась.

– И ты все время сидела... Честное слово, Нина, ты что-то расчувствовалась... Куда мы отправимся?

Гости уже почти все разъехались. Оставалось человек десять – то твердое ядрышко веселья, которое ничем не расколоть. Было около трех часов ночи.

– Поехали к Лотти Крамп, там выпьем, – сказал Адам.

И они, погрузившись в два такси, покатали через Баркли-сквер – дождь, казалось, смыл с этой площади всю косметику – на Дувр-стрит. Но в «Шепарде» ночной швейцар сказал им, что миссис Крамп только что легла. Кажется, у судьи Скимпа еще не спят, может, они желают присоединиться? Они поднялись в номер судьи Скимпа, но оказалось, что там произошло несчастье с люстрой, на которой пыталась пока-

чаться одна из девиц. Сейчас ей промывали рассеченный лоб шампанским; двое гостей крепко спали.

Так что Адам и его компания опять вышли под дождь.

– Конечно, на худой конец, есть еще «Ритц», – сказал Арчи. – Там у ночного швейцара всегда можно чем-нибудь разжиться. – Но сказал он это таким голосом, что все остальные сразу сказали: нет, не стоит, «Ритц» среди ночи – это невыносимая скука.

Они пошли было к Агате Рансибл, жившей в двух шагах, но оказалось, что она потеряла свой ключ, так что ничего не вышло.

Вот-вот кто-то должен был произнести роковые слова: «Ну, мне, пожалуй, пора и спать. Подвезти кого-нибудь до Найтс-бриджа?» – и на этом вечер бы закончился.

Но тут раздался взволнованный голосок:

– А почему бы не поехать к нам?

То была мисс Браун.

И вот они опять погрузились в такси и поехали уже по-дальше, к мисс Браун. Она зажгла свет в мрачноватой столовой и угостила всех виски с содовой (показав себя неплохой хозяйкой дома, хоть и не в меру радушной). Потом Майлз заявил, что проголодался, и все пошли вниз, в необъятную кухню, где с полок глядели кастрюли и сковороды всевозможных сортов и размеров, и тут отыскиали яйца и ветчину, из которых мисс Браун и сготовила яичницу. Потом вернулись в столовую, выпили еще немного виски, и Адам снова

заснул. Тут Вэнбру сказал:

– Вы мне разрешите позвонить от вас по телефону? Мне только передать в газету конец корреспонденции.

Мисс Браун провела его в кабинет, чем-то похожий на канцелярию, и он продиктовал свою колонку до конца, а потом вернулся к остальным и выпил еще виски.

Для мисс Браун это был упоительный вечер. Возбужденная успехом своего гостеприимства, она порхала от гостя к гостю, предлагая кому спички, кому сигару, кому грушу из огромной золоченой вазы, стоявшей на буфете. Подумать только, все эти блистательные особы, о которых она столько слышала от мисс Маус и так ей завидовала, они здесь, в папиной столовой, и называют ее «дорогая» и «деточка»! А когда они наконец стали уверять, что теперь им в самом деле пора, мисс Рансибл сказала:

– Мне-то просто некуда ехать, ведь я потеряла ключ. Ужасно будет неудобно, если я здесь переночую?

Мисс Браун ответила, замирая от страха, но совершенно естественным тоном:

– Ну что вы, Агата, деточка, это будет божественно.

И тогда мисс Рансибл сказала:

– Вы просто божественно добры, дорогая.

Какое блаженство!

На следующий день в половине десятого семья Браун собралась в столовой к утреннему завтраку.

Первыми пришли четыре скромные девушки (та, что ночью принимала гостей, была из них самая младшая). Брат их, работавший в гараже, уходил из дому намного раньше. Они уже сидели за столом, когда вошла их мать.

– Хочу вам напомнить, дети, – сказала она, – нужно за завтраком побольше разговаривать с папой. А то он обижается. Чувствует себя посторонним. Его так легко втянуть в разговор, стоит только немножко постараться. Ведь ему все интересно.

– Хорошо, мама, – сказали они. – Мы и так стараемся.

– Ну а как было у Бистеров, Джейн? – продолжала мать, разливая кофе. – Потанцевали, повеселились?

– Было просто божественно, – ответила младшая мисс Браун.

– Как, как ты сказала?

– Было прелестно, мама.

– Еще бы. Вы, нынешние девушки, счастливицы. Когда я была в вашем возрасте, столько балов не устраивали. Раз два в неделю во время сезона, а уж чтобы до Рождества – этого не бывало.

– Мама!

– Да, Джейн?

– Мама, я пригласила одну девушку у нас переночевать.

– Хорошо, милая. Когда? Ты ведь знаешь, ближайшие дни у нас заняты.

– Вчера, мама.

– Нет, это просто поразительно. И она согласилась?

– Да, она сейчас здесь.

– Н-ну... Амброз, скажите, пожалуйста, миссис Спэрроу, пусть сварит лишнее яйцо.

– Прошу прощения, миледи, миссис Спэрроу сама не понимает, как это вышло, только яиц нет. Она говорит, наверно, ночью воры в дом забрались.

– Глупости, Амброз. Где это слыхано, чтобы воры проникли в дом красть яйца?

– Скорлупа валялась по всей кухне, миледи.

– Ах, так. Хорошо, Амброз, можете идти... Это что же, Джейн, твоя гостья вдобавок съела все наши яйца?

– Да, наверно... то есть... я хотела сказать...

В это время к завтраку явилась Агата Рансибл. В утреннем свете она выглядела не слишком авантажно.

– Привет всей компании, – сказала она непринужденным тоном. – Наконец-то я попала куда надо. Я тут, понимаете, забрела в чей-то кабинет. Там за столом сидел премилый стариканчик. Он очень удивился, когда меня увидел. Это ваш папа?

– Познакомьтесь с моей мамой, – сказала Джейн.

– Здравствуйте, – сказала мисс Рансибл. – С вашей стороны страшно любезно, что вы разрешили мне выйти к завтраку в таком виде. (Напомним, что она все еще была в гавайском костюме.) Нет, правда, вы не очень на меня сердитесь? Для меня-то все это получилось еще более неудобно, ведь

правда?... Или нет?

– Вам чаю или кофе? – заговорила наконец мать юной Джейн. – Джейн, милая, накорми свою подругу завтраком. – За долгие годы, проведенные на общественном поприще, у нее сложилось мнение, что своевременное предложение поесть может разрешить любую сложную ситуацию.

Тут в столовую вошел отец юной Джейн.

– Марта, это что-то поразительное!... Я, наверно, выжил из ума. Сiju я у себя в кабинете, перечитываю речь, которую должен сегодня произнести, и вдруг отворяется дверь и появляется какая-то полуголая танцовщица-готтентотка. Она только сказала: «Это же сквозь землю провалиться можно» – и исчезла, а я... О-о... – Он только сейчас заметил мисс Рансибл. – А-а, здравствуйте, как...

– С моим мужем вы, кажется, не знакомы?

– Только чуть-чуть, – сказала мисс Рансибл.

– Как себя чувствуете, как спали? – выдавливал из себя отец Джейн. – Марта мне и не сказала, что у нас гостья. Простите, если я не проявил должного гостеприимства... я... Да скажите же кто-нибудь что-нибудь!

Мисс Рансибл тоже ощутила некоторую неловкость. Она взяла со стола утреннюю газету.

– Тут есть одна ужасно забавная история, – сказала она, чтобы поддержать светскую беседу. – Давайте я вам прочту. «Ночные оргии в доме № 10». Божественно, правда? «Самое, вероятно, необычайное сборище этого года состоялось се-

годня под утро в доме № 10 на Даунинг-стрит. Часа в четыре утра полисмены, постоянно дежурящие у резиденции премьер-министра, с удивлением увидели...» Забавно, правда? «...как к дому подъехала целая вереница такси, из которых высыпала веселая толпа в экзотических маскарадных костюмах». Вот бы поглядеть! Воображаете, какая это была картина? «Хозяйкой сборища, которое один из гостей назвал самым душистым букетом из всех, какие составлял до сих пор Цвет Нашей Молодежи, была не кто иная, как мисс Джейн Браун, младшая из четырех прелестных дочерей премьер-министра. Достопочтенная Агата...» Вот это уже поразительно... Боже мой!

В мозг мисс Рансибл внезапно хлынул поток света, как было однажды, когда она еще в юности пошла за кулисы на благотворительном утреннике, а на обратном пути ошиблась дверью и очутилась на сцене, в слепящих лучах прожекторов, в середине последнего действия «Отелло».

– Боже мой! – сказала она, обводя глазами семейство Браунов. – Какой же нахал этот Вэнбру. Вечно он проделывает такие вещи. Нужно пожаловаться куда следует, тогда он потеряет работу, и поделом ему будет, правда, сэр Джеймс?.. Или нет?

Мисс Рансибл умолкла и снова оглядела всех Браунов, ища в их глазах поддержки.

– О господи, – сказала она. – Жуть какая.

Потом повернулась и, волоча за собой гирлянды из тро-

пических цветов, бежала в холл, а оттуда на улицу, к великой радости и выгоде репортеров и фотографов, уже толпившихся у исторического подъезда.

Глава 5

Адам проснулся совершенно больной и разбитый. Он позвонил раза два, но никто не пришел. Позже он опять проснулся и позвонил. В дверях появился, грациозно извиваясь, лакей-итальянец. Адам попросил принести ему завтрак. Вошла Лотти и села на кровать.

– Ну как, сытно позавтракали, голубчик? – спросила она.

– Я еще не завтракал, – сказал Адам. – Я только что проснулся.

– Вот и хорошо, – сказала Лотти. – Сытный завтрак – это великое дело. Вам звонила одна барышня, но что велела передать – хоть убей, не помню. Мы нынче утром совсем с ног сбились. Полный кавардак. Полиция явилась – я уж и не запомню, сколько времени этого не было, – пили мое вино, задавали всякие вопросы, совали нос куда не надо. А все потому, что Флосси взбрело в голову покачаться на люстре. Всегда она была с придурью, эта Флосси. Ну, вперед будет знать, бедняжка. Качаться на люстре – надо же такое выдумать! Бедный судья Какбишьего просто вне себя. А я ему говорю: что люстра была дорогая, это еще, говорю, полбеда. Можно и новую купить, были бы деньги, верно ведь, голубчик? Что мне обидно, говорю, так это смертный случай в доме и весь этот кавардак. Кому же приятно, когда люди приходят в гости и убивают себя, вот как эта Флосси? А тебе что здесь по-

надобилось, мой итальянчик? – обратилась она к лакею, входившему в комнату с подносом, от которого шел запах копченой рыбы, назойливо заглушаемый ароматом духов «Nuit de Noël».

– Завтрак джентльмену, – сказал лакей.

– Сколько же еще ему требуется завтраков, хотела бы я знать? Он уже давным-давно позавтракал, пока ты там внизу пудрил нос. Ведь верно, голубчик?

– Нет, – сказал Адам. – Определенно нет.

– Вот, слышал, что джентльмен говорит? Не требуется ему двух завтраков. Так что не стой тут, виляя задом. Уноси свой поднос, да поживей, не то получишь хорошую трепку... Вот так оно и бывает – стоит заявиться полиции, как сразу на всех затмение находит. Надо же, подал вам два завтрака, а какой-нибудь горемыка дальше по коридору небось ни одного не дождался. Без сытного завтрака это разве жизнь? Из нынешних постояльцев, какие помоложе, большинство по утрам только и заказывают, что *sachet Faivre* да апельсиновый сок. На что это похоже, а этому мальчишке я сто раз говорила, чтобы не смел душиться.

Из-за двери появилась голова лакея, а с нею новая волна «Nuit de Noël».

– Простите, мадам, там внизу инспектор, он хочет с вами поговорить, мадам.

– Хорошо, моя райская птичка, сейчас иду.

Лотти убежала, а лакей бочком внес в комнату поднос с

копченной рыбой и подмигнул Адаму до безобразия фамильярно.

– Будьте добры, напустите мне ванну, – сказал Адам.

– Увы, синьор, в ванне спит один джентльмен. Разбудить его?

– Нет, не стоит.

– Больше ничего, сэр?

– Ничего, спасибо.

Лакей еще постоял, оглаживая медные шары на спинке кровати и заискивающе улыбаясь. Потом извлек из-под куртки гардению, слегка пожухлую по краям. (Он нашел ее в петлице одного из фраков, которые только что чистил.)

– Не желает ли синьор бутоньерку?.. Мадам Крамп такая строгая... только и удовольствия, что изредка поболтать с джентльменами.

– Нет, – сказал Адам. – Уходите. – У него сильно болела голова.

Лакей глубоко вздохнул и мелкими шажками двинулся к двери; вздохнул еще раз и понес гардению джентльмену, спавшему в ванной.

Адам немного поел. Никакая рыба, размышлял он, не бывает так же хороша на вкус, как на запах; трепетная радость предвкушения меркнет от этого слишком прозаического контакта с костями и мякотью; вот если бы можно было питаться, как Иегова, – «благоуханием приношения в жертву ему»! Он лежал на спине, перебирая в памяти запахи

съестного — отвратительный жирный вкус жареной рыбы и волнующий запах, исходящий от нее; пьянящий аромат пекарни и скука булок. Он выдумывал обеды из восхитительных благовонных блюд, которые проносят у него под носом, дают понюхать, а потом выбрасывают... бесконечные обеды, во время которых запахи один другого слаще сменяются от заката до утренней зари, не вызывая пресыщения, а в промежутках вдыхаешь большими глотками букет старого коньяка... О, если бы мне крылья голубя, подумал Адам, немного отвлекаясь от темы, и опять уснул (все мы подвержены таким настроениям наутро после званого вечера).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.